Плох тот солдат...

Сейчас они носят судейские мантии, а когда-то ходили в армейских шинельках

КОЛЛАЖ > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

ПЛОХ ТОТ СОЛДАТ, который не хочет стать генералом. На худой конец – полковником. Бывшие рядовые и сержанты с годами дослужились до высоких званий.

Правда, вместо армейской формы они носят судейские мантии, но 23 февраля по праву считают своим праздником, потому что честно отдали гражданский долг Родине. Накануне Дня защитника Отечества сильная половина судейского состава Ленинского района вспоминала свои солдатские будни.

Анатолий САЛАМАТИН, специалист I разряда Ленинского районного суда:

«Похороны» косточки

Служил я на китайской границе. Пост на вышке считался одним из самых ответственных. Стоял как-то на этой верхотуре рядовой – нес службу по охране восточных рубежей Родины. Внезапно сгустились тучи, хлынул ливень с градом. Часовому приказали срочно спуститься и обходить заставу дозором. Выполняя приказ, он принялся шагами мерять заставу. Проходя мимо абрикосового дерева, засмотрелся на оранжевые спелые плоды. Самые крупные росли почти на верхушке. Не смог солдатик побороть искушения – забрался на дерево. Как на грех, в это время мимо проходил командир. Среди веток разглядел он жующего бойца и поднял заставу по тревоге. Нас построили на плацу, определили задачу – копать яму: два метра в глубину, метр в поперечине. Обливаясь потом, мы вгрызались лопатами в твердую, как камень, землю. Когда, наконец, глубокую яму вырыли, командир приказал сладкоежке бросить туда абрикосовую косточку, а нам закопать «плодовую» могилу.

«Похороны» косточки были тяжелым, но памятным уроком для всей заставы: ни при каких обстоятельствах не покидать пост.

Сотрудник Ленинского районного суда:

Засекреченные ракетчики

В мае 1972 года нас, новобранцев, привезли в одну из частей Архангельской области. Были уверены, что будем служить в артиллерийских войсках. Через три дня подняли нас среди ночи, построили и вывезли в тайгу. По бетонной дороге в кромешной тьме прошли километра три, углубились в лес и по команде сели, вытянув уставшие ноги. Внезапно стало светло, как днем, земля задрожала, воздух наполнился гулом, который перерос в страшный рев. Над лесом показался огненный шар, взлетевший в небеса. Когда шум немного утих, а сердце перестало бешено колотиться, сержант крикнул: «Ну, что, салаги, осознали, что вы – ракетчики? Только домой об этом не писать!»

Виктор СЕРОШТАНОВ, председатель Ленинского районного суда:

Гражданский двойник

В семи километрах от нашей части была деревня Кошкарово. Мы, сержанты, часто сбегали в самоволку – в деревенский клуб на танцы. Местные ребята нас уважали и принимали радушно. У них мы хранили свою гражданскую одежду. Деревенские девчата оказывали нам знаки внимания, иногда случались романы. Как-то в очередной раз, переодевшись у поселковых ребят, заявились на танцы. Веселимся, танцуем, как вдруг заявляется командир взвода с курсантами. Я не знал, что он в этот день заступил в наряд – в гарнизонный патруль. Решил командир проверить, нет ли среди молодежи его самовольщиков. Встретились с ним взглядами, у меня внутри все похолодело, но я и виду не подал, продолжая машинально двигаться под музыку. Командир, уверенный, что поймал самовольщика, обращается ко мне:

> Для солдата главный командир не офицер, а сержант

– Ты почему здесь?

– Живу здесь, – как можно беспечнее отвечаю я.

– Ты сержант Сероштанов?

– Да местный я, деревенский!

– Местный он, наш, что к парню пристали? – вторят мне хором поселковые дружки.

Командир приказал курсантам задержать меня. Я кинул на них такой испепеляющий взгляд, что те не двинулись с места. Тут и командир засомневался. Чтобы рассеять подозрения, он вместе с курсантами направился в часть. Патрульная машина поехала по проселочной дороге, это километров пятнадцать будет, я же с деревенским пареньком рванул на мотоцикле напрямки – через лес, это вдвое короче. Прикатили мы раньше патруля. Попросив парня дождаться меня, помчался в часть. Забежал в казарму, быстро скинул и спрятал «гражданку» и юркнул под одеяло. Не забыл переложить соседскую форму на свой табурет. Глаза закрыл, лежу, жду. Слышу звук кованых сапог и громкий голос командира:

– Где сержант Сероштанов?

– Спит, – не моргнув глазом, ответил дневальный.

Командир подошел к кровати, резко откинул одеяло. Он был уверен, что вместо меня увидит кого-то из курсантов, решивших спасти своего сержанта. Его глаза от удивления полезли на лоб, когда он глянул в мои сонные глаза. Только и смог он промолвить: «Ну, спи, спи...» и удалился в сопровождении патруля.

Я точно знал, что командир вернется в клуб. Он просто обязан был удостовериться: матушка ли природа создала двух разительно похожих парней или сержант-самовольщик его дурит? Напялив на себя «гражданку», что есть духу кинулся в лес, где меня поджидал мотоциклист. По лесной дороге домчались до клуба, я бросился в гущу танцующих, ожидая, когда на пороге появится патруль.

Наконец, вижу, прибыли. Командир, оглядев толпу, нашел меня, отозвал в сторонку и произнес: «Извини, парень, обознался. Но ты так похож на моего сержанта – просто одно лицо!» Когда он отошел, один из курсантов тихонько спросил:

– Товарищ сержант, так это вы или не вы?

– Да я это, я – отвечаю шепотом.

Конечно же, он меня не выдал: для курсанта главный командир – сержант, а не офицер. Спустя несколько месяцев, перед отъездом командира за границу, я признался ему, что тем вечером был я в самоволке, танцевал в клубе

ИРИНА КОРОТКИХ

> ИССЛЕДОВАНИЕ

Интернет – военным

УРОВЕНЬ ДОСТУПА к Интернету военнослужащих Российской Армии и флота не превышает 20 процентов, а это означает, что 80 процентов военнослужащих не получили интернет-поздравления с 23 февраля.

Такой вывод сделали специалисты Агентства передовых информационных технологий (АПИТ), проанализировав нормативные документы Министерства обороны, выложенные в открытый доступ.

Вместе с тем, в армиях стран НАТО этот показатель приближается к 100 процентам. Исключение составляют лишь строго засекреченные подразделения и части, которые дислоцируются в труднодоступных местах, где интернет-связь используется только для зашифрованных оперативных коммуникаций. В остальном солдаты и офицеры НАТО имеют доступ к Всемирной паутине без особых ограничений.

По приблизительным подсчетам, чтобы обеспечить каждого российского военного доступом к Сети, потребуется около семи млрд. рублей. До недавнего времени классический проводной Интернет, не говоря уже о широкополосном, охватывал в России лишь десять процентов воинских частей, подавляющее большинство которых базируются в крупных городах. В последние пять лет ситуация изменилась с развитием мобильного Интернета.

Как известно, мобильный телефон попадает под категорию личного имущества военнослужащего, которым он может пользоваться, правда, лишь во время увольнительных. Соответственно, и в онлайне можно появляться лишь за пределами части при условии, что рядом есть населенный пункт или вышка оператора сотовой связи. Но и здесь находится всевидящее око виртуального командира.

«Чтобы решить, что делать с Интернетом, руководство Министерства обороны сначала должно определиться, какую армию оно вообще хочет иметь. Если это армия рекрутов, которых набрали по принуждению из тех, кто не смог «откосить» от службы, то этой армии Интернет не нужен, а «Тополь-М» можно запустить, не спрашивая у Яндекса, как это сделать, – считает руководитель Агентства передовых информационных технологий Владимир Коровин. – Если военнослужащий – это профессионал, который после работы имеет право на личную жизнь, в том числе и в Сети, на общение, на покупки в интернет-магазинах и т. д., то необходимо создавать программу интернетизации армии. Она, кстати, прекрасно впишется в уже существующую государственную программу по охвату Интернетом всей территории страны».

> **Солдат спит – служба идет, солдат идет – и служба идет, солдат бежит – а служба все равно идет.** Неизвестный автор